

УДК 82-313.3

«ВОКРУГ СВЕТА НА “КОРШУНЕ”»: «ВЗРОСЛАЯ» ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Орехов В. В., Чжан Менцзя

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
e-mail: mengjia9339@mail.ru, v-orehov@mail.ru

Статья посвящена исследованию авторской тактики, использованной К. М. Станюковичем в повести «Вокруг света на “Коршуне” (Сцены из морской жизни)» и нацеленной на адаптацию «морского материала» для детской аудитории среднего и старшего возраста. Прежняя маринистика Станюковича была рассчитана на «взрослую» аудиторию, и создание объемного произведения для детей стало для писателя творческим экспериментом. Работа Станюковича над повестью велась в тот период, когда художественные принципы детской литературы являлись предметом живого обсуждения в литературных и педагогических кругах. Поэтому авторские приемы Станюковича, реализованные в его «детской» повести, рассматриваются в контексте российской полемики XIX в. о специфике детской литературы.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, детская литература, маринистика, жанр, повесть.

ВВЕДЕНИЕ

В 1895 г. К. М. Станюкович начал публиковать частями объемную повесть «Вокруг света на “Коршуне” (Сцены из морской жизни)». К этому времени за автором уже надежно закрепилась репутация лучшего отечественного мариниста, полюбившегося читателю благодаря нескольким циклам морских рассказов. Однако повесть о путешествии «Коршуна» явилась для Станюковича своеобразным экспериментом. Дело в том, что все прежние морские произведения автора были рассчитаны на «взрослого» читателя, а новая повесть предназначалась для детской аудитории и публиковалась в специализированном детском журнале «Родник».

Цель статьи – выявить специфику художественной тактики К. М. Станюковича, обусловленную нацеленностью повести «Вокруг света на “Коршуне”» на детскую аудиторию. Это подразумевает решение следующих задач: 1) охарактеризовать художественную специфику журнала «Родник», в котором публиковалась повесть; 2) очертить дискуссионные вопросы теории детской литературы соответствующего периода; 3) сопоставить художественную тактику Станюковича, реализованную в его маринистике для взрослой аудитории и в повести «Вокруг света на “Коршуне”». Объект статьи – специфика русской детской литературы XIX в., предмет –

художественные подходы Станюковича, реализованные при создании повести «Вокруг света на “Коршуне”».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Журнал «Родник» начал издаваться в 1882 г. и редактировался детской писательницей Е. И. Сысоевой и ее племянником А. Н. Альмедингом. По оценке историка детской литературы Н. В. Чехова, журнал очень быстро «стал одним из лучших детских журналов» [35, с. 72–73]. Здесь сотрудничали Д. В. Григорович, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк и мн. др. Как замечает В. К. Лебедев, публикация в «Роднике» «означала признание писателя» [18, с. 203]. Иллюстрации для журнала готовили профессиональные художники [15, с. 90]. Журнал задумывался в качестве «маленькой энциклопедии для детей» [36, с. 6], и здесь размещались материалы по истории и географии как России, так и других стран.

То есть «Родник» был тем изданием, где творческая специфика Станюковича-мариниста была востребована. Еще В. Г. Белинский в 1848 г., анализируя содержание детского журнала «Новая библиотека для воспитания», утверждал, что из всех познавательных и обучающих материалов ребенок «прочтет с большим удовольствием “Морское путешествие”, нежели рассуждение о машинах» [5, с. 200]. А еще ранее, в 1841 г., критик отмечал, насколько притягательны для юного читателя морские произведения Ф. Купера: «Море и корабль – это его родина, тут он у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля; как искусный капитан, он умеет управлять им, <...> он сыплет любезными его слуху терминами» [5, с. 114]. Очевидно, что в русской литературе второй половины XIX в. Станюкович был единственным автором, который, подобно Куперу, чувствовал себя на корабле – «у себя дома». И конечно, неслучайно, что в 1894 г. при знакомстве с А. Н. Альмедингом писатель предложил ему поместить в журнале «картинки или очерки морской жизни специально для детей» [30, с. 703]. Станюкович сообщал о содержании будущей публикации: «Я предполагаю <...> дать описание кругосветного путешествия на военном корвете, обращая главнейшее внимание на

бытовую сторону – на жизнь матросов на судне и на интересные типы моряков. <...> Я рассчитываю познакомить их с прелестью плавания в тропиках и с трудностями его во время штормов и ураганов и вообще дать верное представление о морской жизни» [30, с. 703].

Иными словами, для Станюковича было очевидным, о *чем* писать для детей, но вот, *как* писать для детей, – видимо, оставалось вопросом. Это закономерно, поскольку специфика литературы для детей (особенно, детей среднего и старшего возраста) являлась в ту пору предметом дискуссионным [35, с. 1–14; 11, с. 11–12].

С одной стороны, были очевидны дидактические и образовательные перспективы, которые позволяла открыть художественная литература, создаваемая специально для детей среднего и старшего возраста, а с другой стороны, было замечено, что аналитические способности таких читателей уже позволяют воспринимать «взрослую» литературу, да и сами эти читатели тянутся именно к ней. На эту особенность обратил внимание еще в 1856 г. Н. Г. Чернышевский: «<...> Вы вспомните о том времени, когда <...> в маленьком вашем сердце <...> поселилась <...> новая страсть – читать, читать... не грамматику и не басни Крылова, не “Русскую историю” г-жи Ишимовой – все это скучно, потому что писано для детей, – нет, читать книги, писанные “для больших”. С какою жадностью бросались вы, десятилетний мальчик, на романы <...>!» [5, с. 231]. Чернышевский замечает, что в качестве привлекательных для подростков книг выступает определенный сегмент литературы: это не Марлинский, Пушкин, Лажечников или Гоголь, констатирует критик, а, например, романы Р. М. Зотова «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» и «Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I» и М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и «Рославлев, или Русские в 1812 году» [5, с. 231], то есть романы, которые мы сегодня отнесли бы к разряду псевдоисторических и приключенческих.

Указанные произведения не принадлежали к числу шедевров, а потому, оставляя юную аудиторию без произведений, которые одновременно и привлекали бы к себе читателя, и представляли бы собой высокие художественные образцы, русская

литература рисковала либо доверить воспитание юных читателей посредственным авторам, либо – авторам зарубежным.

А зарубежные авторы были вполне доступны. Б. Хеллман отмечает, что в XIX ст. «чтение книг на иностранных языках являлось частью обучения детей из привилегированных классов» [34, с. 6]. Прибавим к этому, что зарубежные издания составляли основную часть дворянских частных библиотек, и молодое поколение формировалось, по сути, на чтении иностранных авторов [21, с. 236–241]. В XIX в. художественные тексты были широко представлены в периодической печати, которая была развита во Франции гораздо лучше, чем в других странах, а это вело к тому, что французские издания, по утверждению Б. М. Томашевского, «являлись для русских предметом такого же повседневного чтения, как и русские» [33, с. 62].

Российские подростки имели возможность знакомиться с иностранными писателями и посредством переводов. Авторы современного учебника «Детская литература» составили внушительный обзор наиболее популярных у детской и юношеской аудитории зарубежных писателей, которые печатались в переводах в XIX в. [13, с. 479–501]. Оперативному и качественному переводу произведений Д. Дефо, Д. Свифта, В. Скотта, Ф. Купера, Ж. Верна уделялось большое значение. Один из ярких примеров тому – журнал «Переводы лучших иностранных писателей», основанный в 1871 г. Марко Вовчок как аналог издания П. Ж. Этцеля «Журнал воспитания и развлечения» [14, с. 56–57]. В издании Марко Вовчок помещались переводы, которые ориентировались на юную аудиторию, и среди них важнейшее место занимали романы Ж. Верна в переводе самой Вовчок [14, с. 60].

В журнале «Родник» переводы также были представлены широко. Синхронно с повестью Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» здесь печатались «Принцесса в кувшине» [27, № 1, с. 78–88] и «Рикки-Тикки-Тави» [27, № 2, с. 165–184] Р. Киплинга, «Долли и скряга» Фр. Итона [27, № 4, с. 387–401; № 5, с. 494–514; № 6, с. 648–661; № 7, с. 781–794; № 8, с. 897–911; № 9, с. 1003–1020; № 10, с. 1120–1130; № 11, с. 1199–1220], «Маленький бродяга» П. Кудели [27, № 6, с. 676–679], «История одного ребенка» А. Доде [28, № 1, с. 93–114; № 2, с. 219–236; № 3, с. 337–358; № 4,

с. 462–483; № 5, с. 603–609; № 6, с. 672–686; № 7, с. 796–819; № 8, с. 911–922; № 9, с. 1047–1067; № 10, с. 1119–1134; № 11, с. 1236–1266; № 12, с. 1386–1408].

Речь, однако, о том, что обилие лучших зарубежных образцов не способно вполне заменить отечественную литературу. Приведем пример. Объективные достоинства произведений Ж. Верна делали его в конце XIX – начале XX вв. одним из самых читаемых авторов не только в российской столице, но и в провинции [19, с. 103]. Но вот в 1874–1875 гг. в Париже выходит роман Ж. Верна «Михаил Строгов». По популярности на родине автора роман занял четвертое место среди произведений Ж. Верна [20, с. 446]. По сюжету романа царский гонец Михаил Строгов, минуя множество опасностей, преодолевает путь от Москвы до Иркутска. Это дает возможность автору сообщить множество информации о географии Сибири. Однако – для остроты сюжета – Ж. Верн попросту выдумывает исторические события, которых не было и быть не могло. Путешествие Строгова происходит в условиях, когда на Сибирь напал властитель Бухары – «татарский» хан Феофар, поддержанный «всеми прочими ордами Центральной Азии» [6, с. 24–25]. С точки зрения реальной истории подобная ситуация – полнейший абсурд. Тем не менее в Европе роман пользовался популярностью и в первый же год был переведен на 10 языков [20, с. 446]. В России же это роман был переведен намного позже других – лишь в 1900 г. И объяснялось это «отставание» тем, что в России вольное обращение Ж. Верна с фактами российской истории было очевидным, а это охлаждало внимание публики к произведению.

Существовали сферы, в которых русскую литературу не могли заменить даже лучшие образцы зарубежной беллетристики. К этой сфере, скажем, относилось осмысление русского национального характера. И закономерно стремление Станюковича предложить юному читателю собственные знания о жизни русских моряков, те знания, которыми не владели зарубежные авторы. Но оставался вопрос, каким образом адаптировать для юного читателя художественные образы и сюжеты, которые уже снискали признание у взрослой аудитории Станюковича?

Как уже было отмечено, читателям среднего и старшего детского возраста свойственна склонность к приключенческой литературе. По убеждению А. З. Вулиса,

отличительной особенностью этой литературы является «преобладание сюжетного начала над описательным и действия над героем» [8, с. 22], а художественное пространство «приключений» – это «средоточие всяческих крайностей – климатических, географических, бытовых» [8, с. 232]. Если учитывать лишь ту часть приключенческой литературы, которая рассчитана на детское восприятие, то уместно вспомнить важное уточнение, принадлежащее другому известному исследователю – Б. А. Бегаку: «Сюжет приключенческой литературы – это борьба. <...> Борьба с жестокими природными стихиями. <...> Борьба против рабства с рабовладельчеством и бесправием» [4, с. 6].

Итак, в приключенческой литературе действие имеет большее значение, нежели герои. Из этой особенности проистекает то, что персонажи «приключений» зачастую выглядят упрощенными. В свою очередь, это зачастую ведет к упрощению картины мира, отраженного в приключенческом произведении. И это упрощение оказывается притягательным для многих читателей, поскольку позволяет полностью сосредоточиться на авантюристике сюжета и не отвлекает на размышления о противоречиях реальности.

Впрочем, эта ситуация не должна вести к неверным выводам относительно авантюризма сюжетики вообще – будто занимательная функция приключенческой литературы сводит к нулю все иные. В произведениях первоклассных авторов авантюризм сюжета, напротив, позволяет автору решить целый ряд задач помимо развлекательной. Известно, что Ж. Верн исповедовал принцип «поучать, развлекая» [12, с. 6], который унаследовал от эпохи Просвещения [9, с. 23]. Приключенческая форма позволяла ему передать читателю обширную научную информацию и таким образом решать познавательные задачи. Герои Ж. Верна служат образцом отваги, самоотверженности и преданности науке. То есть назидательные задачи произведения романиста также решали. Но в то же время и познавательность, и назидательность этих сочинений были ограничены: произведения нацеливались на передачу именно научной информации, а герои романов имели односторонние характеры. Все это вело к тому, что размывалась значительная часть иной – не собственно научной – информации: о бытовых деталях, о противоречивости

человеческой натуры, о социальной и исторической обусловленности характеров. Персонажи Ж. Верна конструировались не для того, чтобы достоверно отразить реальность, а для обеспечения максимальной занимательности сюжета, который, в свою очередь, был призван не обобщить реальные события, а послужить стержнем, на который нанизываются научные факты и гипотезы. Такой подход явно противоречил целям Станюковича, который, как помним, планировал «дать верное представление о морской жизни». Это требовало достоверности сюжета и характеров и исключало возможность искусственно конструировать авантюрные коллизии и использовать схематичные образы. Если приключенческая литература «подкупала» читателя изображением жизни, созданным в романтическом духе, то Станюкович планировал предложить юным читателям повествование, основанное на реалистических принципах, которое могло использовать «приключенческий» элемент лишь в тех пропорциях, которые подразумеваются самой жизнью.

Впрочем, сюжет «кругосветного плавания» предоставлял возможность включить в повествование вполне реалистичные и вместе с тем динамичные и напряженные эпизоды. Однако наряду с этим в тексте должны были присутствовать и те фрагменты, в которых превалировала бы описательность, – повествования о длительных переходах, о взаимоотношениях моряков на корабле и т. д. Словом, реалистичный сюжет кругосветного путешествия предполагал соединение разных по предмету описаний и сюжетной заостренности элементов, что вело к фрагментарности всего повествования.

Видимо, ощущая это, Станюкович стремится усилить роль сюжета и для этого усиливает роль главного героя. В прежних морских произведениях Станюкович нередко прибегал к использованию сквозного образа – автора-персонажа – в целях «скрепления» отдельных рассказов в рамках единого цикла. Там повествование велось от первого лица, что позволяло усилить эффект достоверности [22, с. 21]. Этот образ автора был в достаточной степени абстрагирован [23, с. 7] от личности самого Станюковича, а кроме того, он не служил главным организующим началом для всего сюжета, описываемые события и характеры были там важны сами по себе – безотносительно к образу автора-персонажа. В повести же о «Коршуне» Станюкович

выводит в качестве главного героя юного моряка Владимира Ашанина, и именно судьба этого героя в период кругосветного плавания становится основой сюжета. Читатель получает возможность проследить, каким образом плавание на «Коршуне» формирует его характер и мировоззрение. Таким образом, сюжет становится более концентрическим и наполненным психологическим драматизмом, что прочнее удерживает читательское внимание.

Выбор реалистических принципов отражения действительности рождал очередные вопросы: какой должна быть стилистика реалистического произведения для детей и какой круг реальных проблем следует предлагать вниманию детской аудитории? В России XIX в. по поводу этих вопросов конкурировали две основные точки зрения. С одной стороны, существовала позиция так называемой «охранительной педагогики», которая исповедовала необходимость защищать детское сознание от несовершенств мира и обходить стороной целый ряд тем. С другой стороны, литераторы демократического направления склонялись к тому, что произведения для детей должны отражать реальную проблематику жизни [3, с. 174]. В. Г. Белинский рекомендовал: «Не искажайте действительности ни клеветами на нее, ни украшениями от себя, но показывайте ее такую, какова она есть в самом деле, во всем ее очаровании и во всей ее неумолимой суровости» [5, с. 98]. Впрочем, Белинский склонялся к тому, что не по содержанию, но по форме детская литература все же должна отличаться от взрослой [25, с. 63].

Между тем среди литераторов отсутствовало единое мнение о том, какой же должна быть эта «детская» литературная форма. К. С. Аксаков, задумав в начале 1850-х гг. создать описание российской истории, рассчитанное на детскую аудиторию («Русская история для детей»), предупреждал: «Я вовсе не хочу подделываться под детский язык: всякая подделка есть ложь, а потому дурна и цели благой не достигнет. Я постараюсь написать языком, общим для всех возрастов. Будь только язык прост – и дети поймут его» [1, с. 568]. Эта позиция – «не подделываться под детский язык», – видимо, особо обсуждалась в литературной семье Аксаковых и была результатом выношенного убеждения. Во всяком случае, когда в середине 1850-х гг. Сергей Тимофеевич Аксаков начал работу над «Детскими годами Багрова

внука», то в основу стилистических поисков он положил именно этот принцип, о чем сообщал И. С. Тургеневу: «Я пишу книгу для детей, разумеется, не маленьких, а таких, которым около 12-ти лет. <...> Разумеется, здесь нет никакой подделки под детский возраст и никаких нравоучений» [2, с. 588].

Крайнюю точку зрения в середине 1860-х гг. занял Д. И. Писарев, который полагал, что создание специальных литературных произведений для детей младшего возраста имеет негативные последствия, а дети 13-ти лет уже вполне способны к восприятию «взрослой» литературы, из общей массы которой подросткам следует рекомендовать лучшие произведения отечественных и европейских беллетристов и критиков, а также «описания замечательных путешествий, исторические сочинения и популярные книги по всем отраслям естествознания» [26, с. 573]. Хотя эта точка зрения была высказана еще в середине 1860-х гг., она вполне могла быть актуализирована в общественном сознании благодаря полному собранию сочинений Д. И. Писарева, выпущенному в 1894 г., то есть – в год, когда задумывалась детская повесть Станюковича.

Судя по тексту повести «Вокруг света на “Коршуне”», Станюковичу наиболее близка была позиция Аксаковых. Мы не обнаружим в повести «подделок» под детский язык. Даже познавательные элементы Станюковичем преподносятся так, чтобы повествование не напоминало учебник по географии. Он «растворяет» фактическую информацию в общем повествовательном потоке. Вот, скажем, эпизод, рассказывающий о приближении «Коршуна» к полосе бурунов близ Гонолулу: «Это могучие океанские волны с шумом разбиваются о преграду, поднявшуюся благодаря вековой работе маленьких полипов из неизмеримых глубин океана, – об узкую надводную полоску кольцеобразного кораллового рифа у самого острова» [31, т. 6, с. 274]. Включая эту хрестоматийно известную для взрослого читателя естественнонаучную информацию в живописный орнамент, Станюкович как бы скрывает ориентированность текста на детскую аудиторию, делает этот эпизод привлекательным для читателей любого возраста.

Что же касается «нравоучений», которых стремился избежать в своем творчестве для детей С. Т. Аксаков, то Станюкович порою допускает их, однако маскирует

таким образом, чтобы они не выглядели, как прямые авторские наставления. Монологи нравоучительного характера Станюкович вкладывает в уста персонажей, а адресует эти монологи не читателю, а главному герою повести. Так, дядя Владимира Ашанина, заслуженный адмирал, напутствуя племянника, внушает ему: «В океане надо иметь смелую душу и чистую совесть... Тогда и смерть не страшна. <...> Старайся, мой друг, быть справедливым... Служи хорошо... Правды не бойся... Перед ней флага не спускай...» [31, т. 6, с. 33, 46]. Эти отеческие поучения, конечно, были авторским инструментом косвенного назидания, но юного читателя они не должны были настораживать, поскольку сама ситуация передачи жизненных принципов от поколения к поколению, во-первых, соответствует реалиям действительности, а во-вторых, давно устоялась как одна из литературных формул. Вспомнить хотя бы знаменитые наставления, которые давал д'Артаньяну его отец: «Не покоряйтесь никому, за исключением короля и кардинала. <...> Только мужеством, <...> дворянин в наши дни может пробить себе путь. <...> Вступайте в бой по любому поводу» [10, с. 11].

Читатель должен был чувствовать, что такого рода назидания в тексте оправданы уже тем, что помогают объяснить дальнейшие поступки главного героя. Мироззрение Ашанина формируется именно под воздействием тех житейских мудростей, которые излагаются ему сослуживцами-морьяками. Так, простой матрос давал ему урок борьбы с тоской по дому: «Первое дело работа. Ан – скука-то и пройдет. И опять же надо подумать и то: мне нудно, а другим, может, еще нуднее, а ведь терпят» [31, т. 6, с. 62]. Старший офицер учил его правилам корабельного общежития: «Будьте уживчивы... Извиняйте недостатки в сослуживцах <...>. Сдерживайте себя, если у вас горячий характер» [31, т. 6, с. 63]. Капитан делился с ним после шторма своим пониманием истинного мужества: «И не думайте, что есть люди, которые не боятся опасности... Все ее боятся и совершенно естественно боятся... Надо только капитану уметь владеть собой <...>» [31, т. 6, с. 187].

В морских рассказах «для взрослых» Станюкович умел обходиться без декларирования моральных выводов, он подводил читателей к этим выводам посредством описания поступков своих героев. И думается, что «детскость» поэтики

повести о «Коршуне» проявляется именно в том, что Станюкович, не только внушает читателю некие идеи с помощью логики описываемых событий и фактов, он еще и формулирует эти идеи устами своих персонажей.

Что же касается содержания и сложности этих идей, то здесь мы наблюдаем тождество с морскими произведениями К. М. Станюковича, адресованными взрослой аудитории. Начать следует уже с того, каким образом Станюкович представляет специфику характера русских моряков. Сама мотивировка кругосветного плавания «Коршуна» – не в поисках сокровищ или приключений, а по служебной надобности – противопоставляла повесть множеству приключенческих произведений и служила развертыванию той мысли, которую Станюкович декларировал еще в юношеских очерках: у русского человека нет природной склонности к морской службе, однако свойства национального характера позволяют ему при необходимости становиться превосходным моряком [29, с. 160–162]. Так, вопреки приключенческому канону, путешествие «Коршуна» предстает в качестве почти рутинной, но трудной служебной задачи, а уже исходя из этого, раскрываются все характеры моряков – с точки зрения их умения приспособиться к нелегким условиям решения этой задачи.

Такое понимание морской жизни не позволяет Станюковичу допускать искусственной романтизации, и в повести «поэзия» кругосветного похода проигрывает прозаичным, но естественным человеческим чувствам и желаниям. Выясняется, что среди членов команды, ожидающих отставки, «ни один из <...> даже самых лихих матросов, отличавшихся и знанием дела, и отвагой, и бесстрашием, не думал снова поступить по “морской части”» [31, т. 6, с. 418]. И понять причину этого можно из слов одного из бывалых матросов: «В свою деревню пойду! <...> К своему месту коренному тянет, ровно кулика к своему болоту. <...> Самое это душевное дело на земле трудиться» [31, т. 6, с. 417].

Следуя логике психологической достоверности, Станюкович подробно исследует проблемы, которые проистекают из особенностей корабельного быта: это тоска, одолевающая всю команду во время переходов, и это особая напряженность

взаимоотношений, возникающая в замкнутом коллективе людей, собранных не в силу родства их интересов и характеров, а по воле служебной необходимости.

Станюкович последовательно изображает, как нарастает чувство отчужденности между членами экипажа, «появляются беспричинные ссоры, полные такого же беспричинного озлобления друг против друга», как «каждый начинает придирается к другому» [31, т. 6, с. 182]. Возможно, юный читатель ожидал от повести Станюковича, привычной «романтики путешествий», перекрывающей своей привлекательностью все сопутствующие невзгоды. Однако автор отчетливо дает понять, что в реальной жизни эта «романтика» не способна преодолеть естественных человеческих реакций. А потому после странствий по самым экзотическим краям у моряков «Коршуна» «впечатления от много виденного притуплялись: пальмы привиделись, роскошь природы пресытила, и все те же развлечения в портах прискучили» [31, т. 6, с. 413].

Для Станюковича важно донести ту мысль, что дальнейшее плавание – это период особых психологических состояний, обусловленных и тоской по Родине, и опасностями, и изолированным положением, и контрастом впечатлений. Даже чувство любви несет на себе печать этих условий. Так, Станюкович описывает стоянку «Коршуна» в Сан-Франциско, которая превратилась для русских офицеров в «сплошной праздник» [31, т. 6, с. 248]. На берегу Ашанин тотчас влюбляется в семнадцатилетнюю мисс Клэр. После первого же танца она уже представлялась ему «ангелом», затем он сочинял на корвете для нее стихи [31, т. 6, с. 251], а очень скоро собрался предложить ей руку и сердце. Развитию этих отношений помешали обстоятельства, и Ашанин воспринял это как серьезный душевный удар. Однако: «Прошла <...> неделя, и образ мисс Клэр понемногу затягивался дымкой», поскольку «новые встречи и новые впечатления охватили юного моряка» [31, т. 6, с. 254]. А еще через несколько дней он уже «добросовестно» танцевал на очередном балу и «ни разу даже не вспомнил о мисс Клэр» [31, т. 6, с. 255].

Конечно, тему зыбкости любовного чувства, его обусловленности сиюминутными настроениями сложно отнести к числу детских. Юношеский максимализм склонен искать в литературе поддержку для себя (и сполна находит ее

в приключенческих произведениях), но никак не развенчание «прозой жизни». Однако для Станюковича отход от «прозы жизни» означал бы отход от достоверности изображения морского быта, то есть отход от главной своей цели. А потому он не только не обходит щекотливую тему стороной, он настаивает, что спонтанность и мимолетность чувств Ашанина – неизбежная закономерность. И в этом убеждает эпизод, посвященный поездке Ашанина во Вьетнам.

Ашанин командирится в Кохинхину, куда добирается на гражданском пароходе. Внезапное освобождение от обычных для военного корабля ограничений заставляет его видеть окружающий мир в преувеличенно ярких красках. На пароходе он тут же влюбляется в попутчицу – англичанку Эни Уайт. Он сочиняет для «идеальной красавицы» сонеты, а когда она дарит ему свой портрет, то он смотрит на него «с тем благоговейным восторгом, с каким один сингалец в Сингапуре глядел в храме на статую Будды» [31, т. 6, с. 344]. Однако приходит день неизбежной разлуки, Ашанин погружается в атмосферу новых впечатлений, и более не вспоминает об «идеальной красавице». То есть ситуация повторяется, но объясняется ее повторение не характером Ашанина, а лишь теми условиями жизни, в которых он оказывается, участвуя в дальнем плавании.

К числу акцентированных Станюковичем особенностей морского быта относится и переживаемое человеком состояние опасности. Традиция приключенческой литературы широко использует это состояние как почву для героизации персонажа. При этом способность героя мужественно противостоять опасности преподносится как некая данность, которая рождает в читателе чувство восхищения, но редко анализируется автором и не вызывает потребности анализа со стороны читателя. Так, д'Артаньян мужественно встречает опасность просто потому, что это – заданная автором черта его характера. То же самое можно сказать об Айвенго, Капитане Сорви-голове и еще множестве героев приключенческих произведений.

Однако для Станюковича важна психологическая природа героизма. И в этом контексте в качестве данности предстает не мужество персонажа, а чувство естественного страха, свойственное любому человеку в момент опасности. И, таким образом, понимание героизма сводится к осмыслению мотивов, заставляющих

человека осознанно действовать вопреки страху. Проблема ставится Станюковичем точно в том же ракурсе, что и в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого.

Одна из ключевых тем «Севастопольских рассказов» – чувство страха, которое испытывает всякий человек в боевых условиях и которое всяким характером переживается индивидуально [24, с. 336–337]. Несхожесть всякой частной борьбы со страхом обусловлена несхожестью личных мотивов, психологических свойств и внешних условий. И Толстой воплощает в тексте целый ряд художественно обобщенных характеров и ситуаций, представляющих разные исходы сопротивления человека чувству страху. Иные из его персонажей оказываются полностью подавлены этим чувством вследствие внезапности [32, с. 113] или же, напротив, томительного ожидания [32, с. 69] опасности. Другие находят опору для сопротивления страху в осознании собственного долга, как Михаил Козельцов [32, с. 114], в чувстве юношеского самолюбия и азарта, как Володя Козельцов [32, с. 104–110], в тщеславии и «деревянных нервах», как Калугин [32, с. 39, 41]. Так что коллективное мужество на войне – это соединение индивидуальных проявлений храбрости, которая, по выражению Толстого, бывает «всяких родов» [32, с. 110]. Схожую мысль развивает и Станюкович в отношении морской жизни, где стихийная опасность является неотъемлемой составляющей повседневности.

Переживая первый шторм, Ашанин испытывает «жгучий страх» [31, т. 6, с. 94] и принимает его за малодушие. Он стыдится этого чувства и, чтобы сохранить собственное достоинство, всячески пытается скрыть его. Но Станюковичу важно показать, что чувство стыда – это первый, но не единственный и не самый действенный мотив, заставляющий моряков преодолевать страх. Истинной же, наиболее прочной основой противодействия страху может стать лишь осознание ответственности за судьбу всех находящихся на корабле, формирование особой мировоззренческой установки, которая составляет фундамент морской морали. Эта мораль передается от поколения к поколению и ее носителями оказываются бывалые моряки, сознающие неизбежность страха, но и одновременно – необходимость его постоянного преодоления. Бывалый матрос Бирюков поясняет Ашанину: «Всякий человек боится <...>. Дело свое сполняй как следует, по совести, а все-таки бойся...

<...> Капитан наш – уж на что смелый, а и тот бури боится. <...> Мы боимся только за себя, а он-то за всех, за людей, кои под его командой» [31, т. 6, с. 107]. В свете этой мудрости Ашанин сознает, «как фальшивы и ложны его собственные понятия о стыде страха» [31, т. 6, с. 107], поскольку залогом выживания корабля, по словам капитана «Коршуна», является не стыд за собственные эмоции, а способность «не растеряться и бороться до последней возможности» [31, т. 6, с. 187], даже испытывая страх.

Понимание мужества, раскрываемое Станюковичем и предполагающее необходимость для героя сложной психологической работы над собой, противоречило представлениям о «рыцарях без страха и упрека», которые легко вписывались в сюжеты авантюрной литературы и, благодаря своей упрощенности, поражали воображение юной аудитории. Очевидно, что писатель стремился не угодить запросам юного читателя, упрощая для него «взрослую» картину мира, а напротив, задавался целью развить способность этого читателя к восприятию «взрослой» проблематики во всей ее сложности и неоднозначности. Одна из наиболее очевидных иллюстраций тому – тема телесных наказаний во флоте.

Станюкович служил во флоте, когда вопрос об отмене телесных наказаний стоял очень остро, и наблюдал реакцию моряков на вышедший в 1863 г. указ, упразднивший эту жестокость. И сам Станюкович был одним из страстных противников обычных для прежнего флота наказаний. С тех пор миновало три десятилетия, и проблема телесных наказаний уже не могла вызывать общественных дискуссий, она воспринималась, как дело давно решенное и однозначно позитивное. Для Станюковича не было ничего проще, чем отразить эту проблему по канону классической фольклорно-мифологической схемы однозначной победы добра над злом. Однако он воссоздает всю сложность той перестройки, которую должна была претерпеть флотская жизнь после отмены телесных наказаний.

Автор воспроизводит мнения всех иерархических групп экипажа, и юного читателя должно озадачить, что рядовые матросы, которые более всего страдали от телесных наказаний, а стало быть, более всего и должны были приветствовать их отмену, высказываются по поводу обновленных гуманных правил довольно скептически. Позиция подобных скептиков сформулирована одним старым

матросом: «Нельзя боцману или офицеру иной раз нашего брата не съездить <...>. Если не здря, а за дело, никак без этого невозможно» [31, т. 6, с. 84]. Объяснимо, что освобождающий указ нашел себе противников среди других групп экипажа, так или иначе ответственных за матросскую дисциплину. Среди них оказалось «два или три офицера, боцмана и некоторые из унтер-офицеров» [31, т. 6, с. 302]. Причем позиция боцманов объяснялась не кровожадностью, а тем, что линьки и зуботычины были, по сути, единственным инструментом в их руках, позволяющим поддерживать в команде повиновение. Сознал это и старший офицер, выслушивая недоуменные боцманские слова: «Никакого, значит, почтения к боцману не будет <...>. И ежели за дело и драться с рассудком <...>, то, позвольте доложить, что матрос вовсе и не обижается» [31, т. 6, с. 71].

Цель Станюковича не заронить сомнение в необходимости гуманного закона, а показать сложность его реализации. Избавление флотского быта от телесных наказаний требовало перелома в сознании, поиска новых рычагов поддержания дисциплины, новых мотиваций для добросовестной службы. И оптимально верное, по убеждению писателя, направление действий в этом отношении, предлагает капитан «Коршуна», который видит решение проблемы в образовании матросов и организовывает для матросов регулярные занятия, «начиная с обучения грамоте, арифметике и кончая разными объяснительными чтениями, приуроченными к понятиям слушателей» [31, т. 6, с. 130–131].

Словом, повесть Станюковича принуждала читателя погружаться в сложности реальной общественной жизни, реальной психологии. Причем проблематика этой повести соответствовала той проблематике, которая была характерна морскими произведениям Станюковича, ориентированным на «взрослую» аудиторию. Это привело к тому, что текст повести стал обнаруживать множественные пересечения разного уровня (сюжетные, идейно-тематические, образные) с другими морскими произведениями Станюковича.

Внимательный читатель мог бы обнаружить в повести о «Коршуне» даже текстовые повторы. Вот, скажем, фраза из рассказа «Вдали от берегов», которая предваряла описание праздника в честь перехода через экватор: «Переход через

экватор был отпразднован, согласно старинному морскому обычаю, традиционным обливанием тех, кто в первый раз попадал в нулевую широту» [31, т. 4, с. 11]. А вот аналог из повести о «Коршуне»: «“Коршун” пересекал экватор. Это событие было ознаменовано традиционным морским празднеством в память владыки морей Нептуна и обливанием водой всех тех, кто впервые вступал в нулевую широту» [31, т. 6, с. 177]. Заметим, однако, что совпадение фраз не является полным. Станюкович «редактирует» старую фразу для нового текста и точно так же он редактирует весь эпизод корабельного праздника. Иные исправления, конечно, можно отнести к чисто техническим. Так, на вопрос «Нептуна» о принадлежности судна и цели его плавания капитан из рассказа «Вдали от берегов» отвечает: «Мы русской державы люди. Идем из Кронштадта на Дальний Восток. Нас восемнадцать офицеров и сто шестьдесят человек команды» [31, т. 4, с. 12]. Капитан «Коршуна» на тот же вопрос дает такой ответ: «Мы русского государства люди. Идем из Кронштадта на Дальний Восток, а зовется наше судно “Коршуном”» [31, т. 6, с. 177]. Ясно, что здесь изменения обусловлены разницей сюжетных деталей. Однако важно, что Станюкович перефразирует и все остальное описание праздника, по существу, пересказывает другими словами то, что уже однажды изложил в рассказе «Вдали от берегов». Но почему же тогда писатель оставил пусть незначительные, но все же заметные указанные нами повторы?

Полагаем, что подобные неполные «переделки» эпизодов из прежних произведений явились в повести о «Коршуне» принципиальным приемом авторской тактики. Известно, что материалом для морских произведений Станюковича послужили впечатления, почерпнутые во время его собственного кругосветного плавания, а потому «маршрут» «Коршуна» в большинстве случаев дублировал «маршруты» других кораблей, описанных в морских рассказах Станюковича, а персонажи повести «вырастали» из тех же прототипов, что и персонажи прежних морских произведений. Чтобы совершенно избежать смысловых и содержательных повторов, Станюковичу пришлось бы отбросить в качестве источника художественных обобщений собственные морские воспоминания, а это привело бы к нарушению художественной достоверности повествования. Видимо, поэтому

Станюкович избрал иной путь: эпизоды и образы, которые уже были использованы в прежних произведениях, он переработал таким образом, чтобы они обнаруживали некоторое сходство с первоначальным вариантом, однако воспринимались не в качестве «переделки» старого, а в качестве равноценного аналога. При этом в глазах читателя сходство аналогичных художественных элементов должно было объясняться сходством характеров и ситуаций, обусловленным самой жизнью.

Для ясности вернемся к описанию костюмированного праздника Нептуна. Традиция отмечать таким образом переход через экватор пришла в русский флот в начале XIX в., и с тех пор это событие праздновали на всех русских кораблях примерно по одному сценарию, а потому и описания этого праздника в разных источниках были сходны [16]. Так что сходства между описаниями в текстах Станюковича должно было восприниматься читателем как отражение реального сходства между объектами действительности.

Подобных «переключек» в повести много. Боцман Федотов с «Коршуна», который тщательно облагораживает свою внешность перед съездом на берег, чтобы растерять все «великолепие» в первой же пивной, чрезвычайно похож на боцмана Щукина из «Матросского линча»; старший офицер «Коршуна» напоминает главного героя повести «Василий Иванович»; штурман с «Коршуна» – родственная душа «мрачного штурмана», а «беспокойный адмирал» из повести о «Коршуне» является даже не «двойником» главного героя повести «Беспокойный адмирал», а сквозным персонажем, объединяющим три произведения: «Беспокойный адмирал», «Ужасный день» и «Вокруг света на “Коршуне”». На уровне сюжета присутствуют явные «переключки», например, между восьмой главой (Ч. I) повести о «Коршуне» «В тропиках» и рассказами «В тропиках» и «Вдали от берегов», между шестой главой (Ч. II) «Выручка “Забяки”» и рассказом «Ужасный день». На уровне проблематики, как уже отмечалось, переключки были наиболее заметными. Так, скажем, разности позиций, существовавших среди моряков в отношении телесных наказаний, ранее был посвящен рассказ «Отмена телесных наказаний»; проблема неизбежности страха как естественного проявления и необходимости его преодоления поднималась в рассказах «На камнях», «В шторм», «Ужасный день»; проблема особого

психологического состояния, в котором оказываются моряки в периоды дальних переходов, разрабатывалась в повести «Пассажирка» и т. д.

Благодаря этим межтекстовым «пересечениям» в читательском сознании повесть «Вокруг света на “Коршуне”» должна была предстать как часть некоего художественного единства, куда также входят другие произведения Станюковича о море, то есть – как часть маринистики Станюковича. А это, в свою очередь, должно было мотивировать читателя к знакомству с другими текстами писателя о море.

Но заметим, что повесть «Вокруг света на “Коршуне”» писалась для детей, а межтекстовые связи, которые она обнаруживала, «отсылали» читателя к произведениям, рассчитанным на взрослую аудиторию. Это межтекстовое противоречие сглаживалось тем, что, с одной стороны, повесть «Вокруг света на “Коршуне”» содержала довольно мало элементов, рассчитанных исключительно на детское восприятие, а с другой стороны, «взрослые» произведения Станюковича о море – благодаря своему колориту, нередкой напряженности сюжета, экзотическим подробностям – вполне могли претендовать на место в кругу детского и юношеского чтения. Историк детской литературы Н. В. Чехов утверждал, что некоторые морские рассказы Станюковича стали «особенно популярными в народных и детских библиотеках», а именно: «Человек за бортом», «Вдали от берегов», «На камнях», «Куцый» и др. [35, с. 122–123] А другой исследователь детской литературы А. И. Лебедев в 1901 г. рекомендовал для детского чтения следующие морские рассказы: «Куцый», «Ужасный день», «Человек за бортом», «Нянька» [17, с. 35–36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ориентированность повести «Вокруг света на “Коршуне”» на детское восприятие обусловила ряд художественных решений: 1) объединение «картин морского быта» в рамках единого художественного произведения с сильной позицией главного героя и концентрическим сюжетом; 2) усиление познавательной и назидательной функций текста; 3) авторское декларирование идеи. Однако эти приемы реализованы таким образом, что текст не противоречит требованиям взрослого восприятия. В то же время проблематика повести в целом соответствует

проблематике всей маринистики Станюковича, а в основе изобразительного метода лежит реалистический принцип воссоздания действительности. Кроме того, повесть «Вокруг света на “Коршуне”» обнаруживает множественные и разноуровневые межтекстовые связи с иными морскими произведениями Станюковича, что «размывает» границу между текстами автора, ориентированными на разную возрастную аудиторию. В итоге повесть «Вокруг света на “Коршуне”» избежала той опасности, которая всегда угрожает литературе, рассчитанной на подростковую аудиторию, – оказаться «“не взрослой”, но уже и “не детской”» [7, с. 269]. Напротив, она оказалась, как свидетельствует дальнейшая издательская практика, в одинаковой мере привлекательной для читателей любой возрастной категории и способствовала, чтобы изначально «взрослые» произведения Станюковича о море органично входили в круг детского и юношеского чтения.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собр. соч.: В 3-х т. [Текст] / К. С. Аксаков. – М., 1861–1880. – Т. 1. – 632 с.
2. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 5-ти т. [Текст] / С. Т. Аксаков. – М.: Правда, 1966. – Т. 1. – 600 с.
3. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений [Текст] / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – М.: Академия, 2005. – 567 с.
4. Бегак Б. А. В мире приключений (Приключенческая литература для детей) [Текст] / Б. А. Бегак. – М.: Знание, 1979. – 94 с.
5. Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. О детской литературе: Сборник [Текст] / В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов / Сост. В. В. Терновская и Н. И. Якушин. – М.: Дет. лит., 1983. – 430 с.
6. Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. [Текст] / Ж. Верн. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – 457 с.

7. Володарская М. В. Рецепция литературы для детства и юношества: дискуссионные проблемы [Текст] / М. В. Володарская // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. – К., 2011. – Вып. XV. – С. 267–277.
8. Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра [Текст] / А. З. Вулис. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.
9. Дунаевская Е. С. Волшебная сказка «золотого века» английской детской литературы: генезис и жанрово-стилистические вариации [Текст]: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук: 10.01.03 / Е. С. Дунаевская. – Санкт-Петербург, 2013. – 26 с.
10. Дюма А. Три мушкетера. Роман [Текст] / А. Дюма. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 576 с.
11. Емец Д. А. Произведения для детей и о детях в творчестве русских писателей второй половины XIX века: К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. И. Куприн [Текст]: автореф. дис. ... кандидат филол. наук: 10.01.01 / Д. А. Емец. – Москва, 2001. – 22 с.
12. Жюль Верн и его «Всеобщая история географических открытий» [Текст] // Верн Ж. Всеобщая история географических открытий. – М.: Эксмо, 2018. – С. 5–15.
13. Зубарева Е. Е. Детская литература: Учебник [Текст] / Е. Е. Зубарева, В. К. Сигов, В. А. Скрипкина и др. – М.: Высш. шк., 2004. – 551 с.
14. Коломийцева Е. Ю. Просветительская и дидактическая деятельность Марко Вовчок: журнал «Переводы лучших иностранных писателей» [Текст] / Е. Ю. Коломийцева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 55–62.
15. Корнилова В. В. Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX в. [Текст] / В. В. Корнилова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 82–96.
16. Кузнецов Н. А. Празднование перехода через экватор как форма досуга моряков российского императорского флота [Текст] / Н. А. Кузнецов // Уваровские чтения-

- IX: Досуг в столице и провинции: мат-лы всеросс. науч. конф-ии. Муром, 22–24 апреля 2014 г. – Владимир: ВИТ-принт, 2014. – С. 105–113.
17. Лебедев А. И. Детская и народная литература. Опыт руководства для систематического чтения. (Заметки для родителей, библиотекарей и народных учителей с указанием избранных книг. Вып. 1. Книги для детей младшего и среднего возраста [Текст] / А. И. Лебедев. – Н. Новгород, 1901. – 90 с.
18. Лебедев В. К. «Запретить как идеалистическую» [Текст] / В. К. Лебедев // Русская литература. – Л.: Наука, 1989. – № 4. – С. 203–205.
19. Морева О. В. Детское чтение на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В. Г. Белинского) [Текст] / О. В. Морева // Обсерватория культуры. – 2015. – № 5. – С. 102–106.
20. Москвин А. Г. Фантазии в историко-географическом пространстве [Текст] / А. Г. Москвин // Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – С. 445–456.
21. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
22. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): Учеб. пособие [Текст] / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 92 с.
23. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века: Учеб. пособие [Текст] / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 96 с.
24. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
25. Первова Г. М. Детская литература как предмет исследования в исторической ретроспективе [Текст] / Г. М. Первова // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – Тамбов, 1998. – Вып. 3. – С. 61–69.
26. Писарев Д. И. Полное собр. соч.: В 6-ти т. [Текст] / Д. И. Писарев. – СПб., 1894. – Т. 4. – 598 с.

27. Родник. Иллюстрированный журнал для детей [Текст]. – 1895. – № 1–12.
28. Родник. Иллюстрированный журнал для детей [Текст]. – 1896. – № 1–12.
29. Станюкович К. М. Из кругосветного плавания (Очерки морского быта) [Текст] / К. М. Станюкович. – СПб., 1867. – 382 с.
30. Станюкович К. М. Собр. соч. В 6-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 2. – 710 с.
31. Станюкович К. М. Собр. соч. В 10-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М.: Правда, 1977. – Т. 4, 6.
32. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: «Художественная литература», 1928–1958. Серия первая «Произведения». Т. 4. – М., 1935. – 448 с.
33. Томашевский Б. В. Пушкин и Франция [Текст] / Б. В. Томашевский. – Л.: Советский писатель, 1960. – 497 с.
34. Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы [Текст] / Б. Хеллман. – М: НЛЮ, 2013. – 560 с.
35. Чехов Н. В. Детская литература [Текст] / Н. В. Чехов. – М., 1909. – 256 с.
36. Юдина И. М., Иванова Л. Н. Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) [Текст] / И. М. Юдина, Л. Н. Иванова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 г. – Л.: Наука, 1981. – С. 3–28.

References

1. Aksakov K. S. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 3 Tomakh* [Complete Works in 3 Volumes]. Moscow, 1861–1880, v. 1. 632 p.
2. Aksakov S. T. *Sobraniye Sochinenii v 5 Tomakh* [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1966, v. 1. 600 p.
3. Arzamastseva I. N., Nikolaeva S. A. *Detskaya Literatura: Uchebnik dlya Studentov Vyssh. Ped. Ucheb. Zavedenii* [Children's Literature: A Textbook for Students of Higher Education Institutions]. Moscow: Akademiya Publ., 2005. 567 p.

4. Begak B. A. *V Mire Priklyuchenii (Priklyuchencheskaya Literatura Dlya Detei)* [In the World of Adventure (Adventure Literature for Children)]. Moscow: Znanie Publ., 1979. 94 p.
5. Belinskii V. G., Chernyshevskii N. G., Dobrolyubov N. A. *O Detskoj Literature: Sbornik* [About Children's Literature: Collection]. Moscow: Detskaya Literatura Publ., 1983. 430 p.
6. Vern Zh. *Polnoe Sobranie Sochinenii v 26 Tomakh* [Complete Works in 26 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1997, v. 19. 457 p.
7. Volodarskaya M. V. *Retsepsiya Literatury dlya Detstva i Yunoshestva: Diskussionnye Problemy* [Reception of Literature for Childhood and Youth: Debatable Problems]. *Russkaya Literatura. Issledovaniya: Sbornik Nauchnykh Trudov*. Kiev, 2011, no. XV, pp. 267–277.
8. Vulis A. Z. *V Mire Priklyuchenii. Poetika Zhanra* [In the World of Adventure. Poetics of the Genre]. Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ., 1986. 384 p.
9. Dunaevskaya E. S. *Volshebnyaya Skazka «Zolotogo Veka» Angliiskoi Detskoj Literatury: Genезis i Zhanrovo-Stilisticheskie Variatsii: Avtoref. Diss. ... Kand. Filol. Nauk* [The Fairy Tale of the “Golden Age” of English Children's Literature: the Genesis and Genre-Stylistic Variations]. Saint-Petersburg, 2013. 26 p.
10. Dyuma A. *Tri Mushketera. Roman* [Three Musketeers. Novel]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1976. 576 p.
11. Yemets D. A. *Proizvedeniya dlya Detei i o Detyakh v Tvorchestve Russkikh Pisatelei Vtoroi Poloviny XIX Veka: K. D. Ushinskii, L. N. Tolstoi, A. P. Chekhov, A. I. Kuprin: Avtoref. Dis. ... Kandid. Filol. Nauk* [Works for Children and about Children in the Works of Russian Writers of the Second Half of the 19th Century: K. D. Ushinsky, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, A. I. Kuprin]. Moscow, 2001. 22 p.
12. Zhyul' Vern i ego «Vseobshchaya Istoriya Geograficheskikh Otkrytii» [Jules Verne and his “General History of Geographical Discoveries”]. *Vern Zh. Vseobshchaya Istoriya Geograficheskikh Otkrytii*. Moscow: Eksmo Publ., 2018, pp. 5–15.
13. Zubareva E. E., Sigov V. K., Skripkina V. A. et al. *Detskaya Literatura: Uchebnik* [Children's Literature: Textbook]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2004. 551 p.

14. Kolomiitseva E. Yu. *Prosvetitel'skaya i Didakticheskaya Deyatel'nost' Marko Vovchok: Zhurnal «Perevody Luchshikh Inostrannykh Pisatelei»* [Enlightenment and Didactic Activities of Marko Vovchok: “Translations of the Best Foreign Writers Magazine”]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2017, no. 2, pp. 55–62.
15. Kornilova V. V. *Detskie Illyustrirovannye Zhurnaly Sankt-Peterburga XIX Veka* [Children's Illustrated Magazines of St. Petersburg of the 19th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury i Iskusstv*, 2011, no. 4, pp. 82–96.
16. Kuznetsov N. A. *Prazdnovanie Perekhoda cherez Ekvator kak Forma Dosuga Moryakov Rossiiskogo Imperatorskogo Flota* [The Celebration of the Transition through the Equator as a Form of Leisure of the Sailors of the Russian Imperial Navy]. *Uvarovskie Chteniya-IX: Dosug v Stolitse i Provintsii: Materialy Vserossiiskoi Nauchnoi Konferentsii. Murom, 22–24 Aprelya 2014 G.* Vladimir: VIT-Print Publ., 2014, pp. 105–113.
17. Lebedev A. I. *Detskaya i Narodnaya Literatura. Opyt Rukovodstva dlya Sistematicheskogo Chteniya. (Zametki dlya Roditelei, Bibliotekarei i Narodnykh Uchitelei s Ukazaniem Izbrannykh Knig. Vyp. 1. Knigi dlya Detei Mladshhego i Srednego Vozrasta* [Children's and Popular Literature. Experience Guides for Systematic Reading. (Notes for Parents, Librarians and National Teachers with the Indication of Selected Books. Issue 1. Books for Children of Younger and Middle Age]. N. Novgorod, 1901. 90 p.
18. Lebedev V. K. *«Zapretit' kak Idealisticheskuyu»* [“Forbid, since it is Idealistic”]. *Russkaya Literatura*. Leningrad: Nauka Publ., 1989, no. 4, pp. 203–205.
19. Moreva O. V. *Detskoe Chtenie na Rubezhe XIX–XX Vekov (po Materialam Ekaterinburgskoi Publichnoi Obshchestvennoi Biblioteki Im. V. G. Belinskogo)* [Children's Reading at the Turn of the 19th–20th Centuries. (Based on Materials from the V. G. Belinsky Yekaterinburg Public Library)]. *Observatoriya Kul'tury*, 2015, no. 5, pp. 102–106.

20. Moskvina A. G. *Fantazii v Istoriko-Geograficheskom Prostranstve* [Fantasies in the Historical-Geographical Space]. *Vern Zh. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 T.* Moscow: Ladomir Publ., 1997, v. 19, pp. 445–456.
21. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsional'nyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Francuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX Veka)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol': Antikva Publ., 2006. 608 p.
22. Orekhova L. A. *Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkii Modernizm (Liricheskaya Proza): Ucheb. Posobie* [Author's Myth-Making and Russian Modernism (Lyric Prose): Textbook]. – Kiev: UMK VO Publ., 1992. 92 p.
23. Orekhova L. A. *Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Russkaya Liricheskaya Proza XX veka: Ucheb. Posobie* [The Image of the Author and the Poetics of the Genre: Russian Lyric Prose of the 19th century: Textbook]. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 96 p.
24. Orekhova L. A., Orekhov V. V., Pervykh D. K., Orekhov D. V. *Krymskaya Iliada. Krymskaya (Vostochnaya) Voina 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arkhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol': SGT Publ., 2010. 480 p.
25. Pervova G. M. *Detskaya Literatura kak Predmet Issledovaniya v Istoricheskoi Retrospektive* [Children's Literature as a Subject of Research in Historical Retrospective]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki.* Tambov, 1998, no. 3, pp. 61–69.
26. Pisarev D. I. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 6 Tomakh* [Complete Works in 6 Volumes]. St. Petersburg, 1894, v. 4. 598 p.
27. *Rodnik. Illyustrirovannyi Zhurnal dlya Detei* [Spring. Illustrated Magazine for Children]. 1895, no. 1–12.
28. *Rodnik. Illyustrirovannyi Zhurnal dlya Detei* [Spring. Illustrated Magazine for Children]. 1896, no. 1–12.
29. Stanyukovich K. M. *Iz Krugosvetnogo Plavaniya (Ocherki Morskogo Byta)* [From the Circumnavigation (Essays of Sea Life)]. St. Petersburg, 1867. 382 p.

30. Stanyukovich K. M. *Sobraniye Sochinenii v 6 Tomakh* [Collected Works in 6 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1958, v. 2. 710 p.
31. Stanyukovich K. M. *Sobraniye Sochinenii v 10 Tomakh* [Collected Works in 10 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1977, v. 4, 6.
32. Tolstoy L. N. *Polnoe Sobraniye Sochinenii v 90 Tomakh. Seriya Pervaya «Proizvedeniya»*. [Complete Works in 90 Volumes. Series One “Works”]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1928–1958, v. 4. 448 p.
33. Tomashevskii B. V. *Pushkin i Frantsiya* [Pushkin and France]. Leningrad: Sovetskii Pisatel' Publ., 1960. 497 p.
34. Khellman B. *Skazka i Byl'. Istoriya Russkoi Detskoi Literatury* [Tale and Story. The History of Russian Children's Literature]. Moscow: NLO Publ., 2013. 560 p.
35. Chekhov N. V. *Detskaya Literatura* [Children's Literature]. Moscow, 1909. 256 p.
36. Yudina I. M., Ivanova L. N. *Arkhiv Al'medingenov (Iz Istorii Detskoi Zhurnalistiki)* [The Archive of Almedingenov (From the History of Children's Journalism)]. *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 1979 g.* Leningrad: Nauka Publ., 1981, pp. 3–28.

AROUND THE WORLD ON THE KORSHUN: “ADULT” STORY FOR CHILDREN

Orehov V. V., Zhang M.

Summary. This article explores the author's tactics that K. M. Stanyukovich used in the story *Around the World on “Korshun”*. (*Scenes from Sea Life*). In this story the writer adapted his nautical impressions for a middle age children's audience. Up to this point, Stanyukovich wrote marine essays, short stories and stories for adult readers. The story *Around the World on “Korshun”*. (*Scenes from Sea Life*) was the author's experiment of a writer. He had to look for new forms and a new style of narration. Stanyukovich worked on the story, when Russian writers and teachers actively discussed the artistic principles of children's literature. In the article we explore Stanyukovich's author's tactics in comparison with the points of view of Russian writers, literary critics and educators of the 19th century.

Keywords: K. M. Stanyukovich, children's literature, marine science, genre, story.